

ОТЗЫВ

официального оппонента кандидата философских наук, научного сотрудника
Д. А. Узланера на диссертацию Пруцковой Елены Викторовны «Связь
религиозности с базовыми ценностями и субъективными нормами населения
России и других европейских стран» на соискание ученой степени кандидата
философских наук по специальности: 5.7.9 — Философия религии и
религиоведение

Работа посвящена предельно интересному вопросу о связи религиозности с ценностями и субъективными нормами (в частности, теми, которые касаются вопросов начала и окончания жизни). Автор справедливо обращает внимание на существующий парадокс – высокий уровень индивидуальной религиозности (измеряемый автором через вопрос о важности религии) не приводит к каким-то значимым последствиям для ценностных и нормативных установок верующего человека. Это часть гораздо большей проблемы – почему декларируемая вера человека практически ни на что не влияет в смысле его поведения, образа жизни или даже хотя бы участия в логически вытекающих из веры религиозных действиях (посещение служб, участие в таинствах и т.д.).

Существует множество различных объяснений этому парадоксу – как в его самом общем виде (почему высокая декларируемая религиозность, по сути, не оказывает ни на что влияние), так и в более конкретном (почему не прослеживается связь между религиозностью и субъективными нормами человека). Автор исчерпывающим образом разбирает все эти объяснения во Введении. Далее она переходит непосредственно к формулированию своей собственной гипотезы, суть которой в указании на значимость первичной (то есть полученной в детстве) религиозной социализации для твердой приверженности определенным субъективным нормам (в частности, тем, что имеют отношения к вопросам начала и окончания жизни). Проще говоря, если ребенка с ранних лет приучать к религии, то впоследствии эта религиозность будет оказывать влияние на то, как он относится к абортам, зачатию *in-vitro*, эвтаназии и самоубийству (в сторону неприятия данных явлений). А если эта религиозная социализация ещё и дополняется частым посещением религиозных служб во взрослом возрасте, то такая связь становится сильнее.

От этого общего теоретического положения автор переходит к его приложению к российскому случаю. Она констатирует: «Ключевой характеристикой социального контекста, объясняющей слабую, практически отсутствующую связь религиозности с субъективными нормами в России и ряде постсоциалистических стран, является низкий уровень первичной религиозной социализации в стране». Если брать воцерковленных россиян, то у них эта связь отчетливым

образом прослеживается (в сторону большего принятия ценностей Заботы и Сохранения в противовес ценностям Открытости изменениям и Самоутверждения).

Сильной стороной работы является её опора на количественные исследования – для подтверждения своих тезисов автор приводит множество статистических данных и их детальный анализ. Этому аспекту посвящена третья глава работы. В целом можно отметить логичность и последовательность как изложения, так и структуры работы – в первой главе автор поясняет как именно она понимает те или иные понятия и как она собирается их операционализировать. Во второй главе речь идёт о разъяснении используемой автором методологии. Наконец, в третьей главе, собственно, даётся сам анализ с задействованием целой батареи статистических методов. Можно спорить с правоммерностью выводов автора, но нельзя не признать ту фундированность, с которой автор подходит к обоснованию своих выводов.

Из положений, вызывающих несогласие, можно упомянуть следующее: «В работе рассматриваются субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания человеческой жизни (аборты, искусственное оплодотворение, эвтаназия, самоубийство) – это вопросы, на которые большинство религий дают совершенно определенный ответ, часто зафиксированный в тех или иных текстах» (с. 51). Далее автор пишет: «Можно ожидать, что связь религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни (аборты, искусственное оплодотворение, эвтаназия, самоубийство) будет максимально тесной, поскольку многие религии уделяют существенное внимание именно этим вопросам в жизни своих последователей». Здесь автор как бы однозначно полагает, что религии всегда уделяли принципиальное значение ценностным вопросам и более того всегда были связаны с культурным консерватизмом, в частности, с тем, что сегодня принято называть традиционными или семейными ценностями. Но эти посылки совершенно игнорируют исторический и культурный контекст: внимание к абортам, искусственному оплодотворению, однополым бракам и т.д. – это феномен 20 века, подобный религиозный консерватизм возникает в контексте культурных войн середины 20 в. Например, в американском контексте идеологический пакет «традиционных ценностей» и его неразрывная увязка с религиозной верой (в частности, для американских евангеликов) – это реакция на культурную революцию 1960-х гг. Можно, например, посмотреть монографии по истории так называемых «семейных ценностей» (например, Сет Доуленд / Seth Dowland).

Если же брать русское православие – то для него и вовсе это новая проблематика, которая начинает развиваться только в 1990-е гг. Например, тема абортов практически не проблематизировалась до начала 1990-х гг., она была осознана как проблема и как ключевой аспект религиозной веры не в последнюю очередь под влиянием американских протестантов, занимавшихся миссией в России в 1990-е гг. В целом в русском православии в принципе почти не

развивалась социальная этика (об этом есть много исследований – в частности, монография К. Костюка). Она буквально развивается на наших глазах – «Социальная концепция» 2000 г. и далее. И развивается в контексте усвоения и вовлечения русского православия в проблематику культурных войн, становящихся всё более и более глобальными с конца 20 в.

Поэтому тезисы о том, что религия в целом связана с культурным консерватизмом и что первичная религиозная социализация делает человека более склонным к этому консерватизму, нуждаются, если автор на них настаивает, в более серьезном и детальном обосновании с привлечением не только нынешних статистических данных, но и анализа теологической традиции, исторических контекстов и т.д. Повторяюсь, то же православие – аскетическая религия, ориентированная на уход от мира, которая исторически всячески противилась втягиванию в обсуждение мирских проблем. Если выходить за пределы христианства – и брать ислам, буддизм, иудаизм, то там ситуация становится ещё более сложной и запутанной.

С этим же связано и ещё одно возражение – я понимаю, что это повсеместная практика, но все же: как можно говорить о некоей религиозности вообще и некоей религиозной социализации вообще и об их связи вообще без учёта конкретной религиозной, конфессиональной специфики, без учёта конкретного исторического контекста. Очевидно, что те взаимосвязи, которые автор выводит и которые она превращает в общие теоретические положения, в лучшем случае применимы к конкретным кейсам в данный конкретный момент времени. И если обращаться в прошлое или пытаться смотреть в будущее, то прослеживаемые автором зависимости могут меняться. В этом смысле второй оппонент справедливо обращает внимание на то, что революционеры-безбожники начала 20 в. прошли полный курс первичной религиозной социализации. И это не помешало им впоследствии стать яростными борцами с религией и всем, что эта религия олицетворяет (включая её нормы и ценности).

Однако снова подчеркну, что, несмотря на перечисленные выше возражения, представленная работа – очень качественное исследование, выводы работы обоснованы и подкреплены солидными аргументами. Задействованная в исследовании научная литература (214 позиций) показывает знакомство с автором с актуальной литературой по теме исследования. Аккуратное использование данных множества опросов свидетельствует об умении работать с эмпирическими материалами.

Диссертация Пруцковой Елены Викторовны «Связь религиозности с базовыми ценностями и субъективными нормами населения России и других европейских стран» является самостоятельным исследованием, она актуальна для философии религии и религиоведения, её научные положения получили квалифицированное авторское обоснование и содержат исследовательскую новизну, являясь личным вкладом автора в науку.

Диссертация полностью соответствует требованиям, предъявляемым на соискание степени кандидата философских наук, предъявляемых пунктами 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 №842, с изменениями, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 20.03.2021 №426, а Елена Викторовна Пруцкова заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.9 - Философия религии и религиоведение.

03.03.2022

Д.А. Узланер

119571, г. Москва, проспект Вернадского, дом 82

Тел. 89636494809; email: uzlanerda@gmail.com

Подпись Д.А. Узланера заверю
Зам. нач. ка отг.

